

А.Ю. Митрофанов

РЕЦЕПЦИЯ ИТАЛО-ВИЗАНТИЙСКОГО ЦЕРКОВНОГО ПРАВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛАТИНСКИХ КАНОНИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ IV–V вв.

На основе материала латинских канонических собраний в статье анализируется значение, которое имели нормы церковного публичного права ранневизантийской эпохи IV–V вв. в процессе становления римской кафедры в качестве канонического лидера Западной церкви.

Ключевые слова: каноническое право, канонические сборники, итальянские соборы, Дионисий Малый, папа Геласий, Юстиниан.

Проблема, вынесенная в название статьи, представляется необычайно важной не только для истории источников канонического права, но и во многом открывающей сложнейший спектр взаимоотношений между Римской и Константинопольской Церквями в ранневизантийский период. Понять внутреннюю логику этих отношений, вероятно, невозможно без осмысления того, какое значение имело правовое и общественное наследие эпохи первых четырех Вселенских Соборов, предшествовавшей падению Западной Римской империи (а точнее, по словам А.А. Васильева, падению западной части Римской империи) для последующего исторического развития Римской и Константинопольской Церквей. В связи с этим возникает вопрос о наличии рецепции ранневизантийского права в юридическом сознании итальянского общества в эпоху, когда военнополитическое присутствие Византии в Италии было восстановлено и сохранялось хотя бы частично вплоть до середины VIII в. Какую роль играли нормы так называемого церковного публичного права ранневизантийской эпохи IV–V вв. в процессе дальнейшего становления римской кафедры в качестве канонического лидера Западной церкви? Вступали ли они в противоречие с устремлениями римских епископов к главенству в Западной Церкви, или ранневизантийское каноническое наследие, воспринятое Римом, было адаптировано и поставлено на службу этим устремлениям?

Андрей Юрьевич Митрофанов — кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета и преподаватель Санкт-Петербургской православной духовной академии.

Эти вопросы, бесспорно, требуют серьезного изучения, однако на подступах к нашему исследованию представляется необходимым определить конкретный объект, рассмотрение которого позволит в будущем ответить на поставленные вопросы. По мнению выдающегося церковного историка рубежа XIX–XX вв. аббата Л. Дюшена, любое исследование, касающееся церковно-исторической проблематики, предполагает осуществление не только формального анализа тех или иных событий, но и выявления живой церковной традиции. «Мне кажется, — писал исследователь, — что первая обязанность, когда приступают к истории поместной церкви, заключается в том, чтобы осведомиться о ее традициях и ясно определить их значение. Традиция, если таковая существует, должна быть краеугольным камнем. Однако она присутствует не всегда; и часто вместо нее предлагают фикции, которые, правда, прошли через множество веков, коих, однако, не меньше, чем фикций. Отделить доброе зерно от плевел в этой области — не всегда легкая задача»¹. Именно для выявления живой церковной традиции и, в частности, традиции церковного права — как собственно канонического, так и обращенного к проблематике государственного права, касающейся церковной жизни, — необходимо обратиться к источникам, донесшим до нас эту традицию. Изучая прежде всего рукописное наследие, представляется возможным выявить процесс рецепции, т. е. процесс восприятия и наследования императивов ранневизантийского церковного права последующими поколениями политических деятелей и юристов церковной Италии, определить значение этих императивов для развития юридической мысли в период раннего Средневековья.

Одним из наиболее богатых и значительных собраний латинских канонических рукописей, позволяющих решить задачи намеченного выше исследования, является собрание манускриптов, принадлежащее Французской национальной библиотеке (BNF). Парижская коллекция возникла еще в XVII в. благодаря таким выдающимся историкам канонического права, как Ж. Сирмонд, Э. Балюз, Ф. Квеснелл, которые, в основном, ограничивались деятельностью по изданию отдельных памятников из наиболее полных рукописей. В XIX столетии рукописи парижского канонического собрания были систематически описаны и проанализированы с точки зрения содержания таким прославленным исследователем, как Ф. Маассен в рамках принадлежащей его перу «Истории источников и литературы по каноническому праву». Совсем недавно, в 2003 г., парижское собрание канонических латинских рукописей было еще раз систематизировано трудами С. Рамбо-Буо. Следует отметить, что на основании описания Ф. Маас-

¹ *Duchesne L. Fastes épiscopaux de l'Ancienne Gaule. T. I. Paris, 1894. Préface. P. 5–6.*

сена и С. Рамбо-Буо стало возможным очень быстро определить круг тех канонических сборников, или, прибегая к греческому термину (в данном случае не аутентичному), тех номоканонов, которые являются сборниками италийского или североафриканского происхождения VI–VIII вв. и, будучи представленными в многочисленных списках, хранящихся в собрании библиотеки, представляют собой незаменимый материал для изучения процесса рецепции ранневизантийского церковного права в латинской канонической традиции. Рукописное собрание Российской национальной библиотеки (РНБ) также содержит несколько весьма значимых канонических латинских манускриптов, учитывать которые представляется необходимым для успешного осуществления исследования рецепции итало-византийского церковного права в канонических сборниках италийского происхождения.

Вопреки отдельным мнениям, встречающимся в историографии, на основании исследования, осуществленного Ж. Годмэ, очевидно, что, несмотря на интенсивные сношения между Римом и Константинополем, вплоть до появления в Риме где-то между смертью папы Геласия и лаврентиевской смутой (т. е. между 495 и 500 гг.) монаха-юриста Дионисия Малого, в Риме существовали латинские переводы только некоторых канонических грекоязычных документов — постановлений Никейского Собора, латинской редакции постановлений Сердикского собора 343 г., латинского перевода канонов Константинопольского Собора 381 г., первоначально на Западе не признававшегося Вселенским, а также переводов постановлений хорошо известных пяти поместных соборов IV в.: Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского и Лаодикийского. Эти переводы были осуществлены во второй половине IV в. в рамках трех канонических сборников: «*Collectio Vetus Romana*», «*Vulgata*» и «*Collectio prisca*». Нужно отметить, что эти сборники, по всей вероятности, были распространены чрезвычайно ограниченно даже в Италии, ибо они, с одной стороны, никак существенно не повлияли на дальнейшее бурное развитие италийских канонических коллекций (рукописи VI в. полностью самостоятельны), а с другой — каждая из них известна только по двум спискам². При этом исследователям совершенно не известны какие-либо канонические сборники Римской церкви V в., содержащие постановления собственно италийских соборов IV–V вв., акты которых доносили бы сведения о чрезвычайно бурной и жестокой политической борьбе, связанной с арианской смутой, вмешательством императорской власти в церковные дела и

² *Gaudemet J. Les sources du droit de l'Église en Occident du II au VII siècle. Paris, 1985. P. 76–78, 134.*

фелицианской схизмой, потрясшей в конце IV в. галльские диоцезы. Указанное обстоятельство тем более странно, что источники, в частности постановления папы Илария, изданные Римским собором 465 г., а также судебный протокол Римского собора 495 г., на котором папа Геласий вынес амнистию бывшему легату Мисену, перешедшему под воздействием силы на сторону Акакия Константинопольского, содержат весьма определенные указания на наличие при базилике св. Петра кафедрального архива, за которым следил штат нотариев, также известных нам по именам³; трудно поверить, что в рамках этого архива служба нотариев, подчиненная в конце V в. римским архидиаконам, не вела никакого учета канонических документов италийского происхождения. Факт наличия с конца IV в. сложного аппарата папской канцелярии признает также такой выдающийся исследователь истории Римской церкви рассматриваемого периода, как Ш. Пьетри⁴. Один из самых древних церковно-правовых кодексов — унциальная рукопись VII в., представляющая собой вторую редакцию собрания Дионисия Малого «Dionysiana» II, содержит указание на то, что приведенные в конце собрания канонические документы извлечены из архивного хранилища Римской кафедры: «Expliciunt canones ecclesiastici ex scrinio ecclesiae Romanae translati»⁵. Можно предположить, что не только Римская церковь, но и другие италийские диоцезы имели свои кафедральные архивы, содержащие богатейший канонический материал, оставшийся от соборного движения IV в., но никак не систематизированный. В качестве примера таких архивных канонических документов провинциального значения можно привести известную «Collectio Veronensis» — редакцию актов Ефесского собора 431 г., исследованную и изданную Е. Шварцем и Е. Штраубом⁶, или же открытый в свое время кардиналом Ц. Баронием Верцелльский регистр участников Медиоланского собора 355 г., подписавших послание к Евсевию Верцелльскому с требованием осудить св. Афанасия Александрийского. По всей вероятности, к концу V в. в Италии вовсе не существовало единого систематического канонического сборника, такого как карфагенский «Codex canonum ecclesiae africanae» или марсельские «Statuta ecclesiae antiqua». Разбросанность италийского канонического предания уже в V в. спо-

³ Hilarii Papae Epistalau. Ep. 15, 5, 7–9; Collectio Auellance. 103.

⁴ Pietri Ch. Roma Christiana: Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte (311–440). Paris, 1976. P. 607.

⁵ Ms. RNB. Lat. F. v. II. 3. f. 178 v.

⁶ Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz, cont. E. Straub. T. I: Concilium universale Ephesenum. Vol. 2. Berlin; Leipzig, 1925–1926.

способствовала утрате крайне важных памятников церковного права. Так, в течение века оказались потеряны акты чрезвычайно значимого для всей церкви Капуанского синода 392 г., рассматривавшего учение балканского еретика Боноса Наисского, пытавшегося урегулировать антиохийский раскол и вмешавшегося в дисциплину Карфагенской церкви. Уже в VI в. ни одна каноническая рукопись не содержит ни актов, ни постановлений, связанных с его деятельностью, следы которых встречаются только в упомянутом «Codex canonum ecclesiae africanae», а также в собрании писем св. Амвросия Медиоланского. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что до того исторического явления, которое Ж. Годмэ обозначил как «геласианский ренессанс канонистики», процесс рецепции и систематизации канонического наследия IV – первой половины V вв. являлся исторической фикцией. Вероятно, причины этому следует искать в той внешней обстановке разорения, которому подверглась Италия и многие города в связи с остготским нашествием и новым распространением арианства, по крайней мере на севере. Реальность этого разорения утверждает на основании археологических исследований современный исследователь Дж. Чьурлетти⁷. Геласианский ренессанс, впрочем, был напрямую никак не связан с личностью самого Геласия, который скорее дал импульс дальнейшему совершенствованию понтификальной администрации. По-видимому, под влиянием данного импульса первые попытки систематизировать италийские и грекоязычные канонические памятники, осуществившиеся при преемниках Геласия и совпавшие по времени с таким внутренним катаклизмом, потрясшим италийское церковное сознание в начале VI в., как лаврентиевская смута, носили преимущественно спонтанный, чем действительно тщательно продуманный характер. Анализируя причины возникновения указанного процесса рецепции и систематизации канонического наследия предшествовавших двух веков, следует иметь в виду именно внутреннюю церковную смуту, произошедшую в Риме. Предположение, согласно которому начало упомянутой систематизации права было обусловлено особенностями социального положения церковной иерархии в остготском королевстве, представляется достаточно весомым, ибо известное состояние нейтралитета остготской арианской знати по отношению к православному епископату, которое З.В. Удальцова объ-

⁷ *Ciurletti G. Antiche Chiese del Trentino, dalla prima affermazione del cristianesimo al X secolo (Breve excursus alla luce di trent'anni di scavi archeologici) // Friihe Kirchen im ostlichen Alpengebiet von der Spätantike bis in ottonische Zeit. Bd. 1. Herausgegeben von H.R. Sennhauser. München, 2003. S. 358.*

ясняла политическими симпатиями италийского клира⁸, вынуждало епископат Италии объединиться как бы в единую организацию, которая имела бы прочную основу в виде нового единого, внутренне целостного свода церковного права.

Однако пристальный анализ тех канонических документов, которые оказались прежде всего востребованы в рамках этой своеобразной юридической реформы, поражает обильным появлением апокрифов или, по крайней мере, документов, аутентичность которых вызывает у исследователей серьезные сомнения. По всей видимости, появление документов полемического характера, о существовании которых ранее никто не знал, свидетельствует о степени накала политической борьбы, сотрясавшей Римскую Церковь в начале VI в., и которая разыгралась между сторонниками папы Симмаха, поддержанного в основном представителями епископата центральной Италии, например Тусции, Лация, Умбрии, и сторонниками архипресвитера Лаврентия, поддержанного в основном представителями проконстантинопольски настроенного Римского сената и духовенства. Исследованные Л. Дюшеном корпус симмахианских апокрифов и лаврентианский фрагмент являют пример диаметрально противоположного толкования событий. Вероятно, прежде всего в контексте италийской церковной смуты следует рассматривать упомянутую каноническую реформу, продлившуюся около полувека и имевшую своей целью создание прочных основ для религиозного и канонического мира в Италии. Как достаточно убедительно продемонстрировал Ж. Годмэ, систематизация и рецепция предшествовавшего итало-греческого канонического наследия, предпринятая в рамках данной реформы, была ознаменована последовательным появлением в течение первых пятидесяти лет VI столетия десяти канонических сборников, которые, как показывает анализ рукописей, следует объединить в четыре группы (Ж. Годмэ предлагал выделять еще и пятую)⁹.

Первая группа, включающая три редакции канонического сборника, известного как «Codex ecclesiae Romanae», впервые изданного Ф. Квеснеллом и потому более известного как «Collectio Quesnelliana», представлена тремя же основными списками. Списки «Квеснеллианы», дошедшие до исследователей, — достаточно позднего происхождения. Наиболее полными из них являются кодексы BNF. Lat. 3842 A, 3848 A и 1454 из собрания Парижской национальной библиотеки. Данные кодексы — достаточно объемные манускрипты большого формата, датируемые рубежом IX–X вв. и исписанные традиционным каролинг-

⁸ Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959. С. 13, 18.

⁹ Caudemet J. Les sources du droit de l'Eglise... P. 133–137, 139–141.

ским письмом, столь характерным для канонических рукописей этого периода. Все три кодекса чрезвычайно богаты по содержанию, ибо представляют собой очень подробный сборник понтификальных декретов и императорских законов IV—V вв., отражающих основные принципы отношений церкви и позднеримского государства, которые предполагалось предъявить королю Теодориху в рамках политических инициатив Римской кафедры по урегулированию отношений церковной администрации и остготского двора. В основу канонического сборника, очевидно, были положены материалы понтификального архива и законы «Кодекса Феодосия», касавшиеся прежде всего положения италийских диоцезов, что бесспорно свидетельствует о значительной степени востребованности позднеримского права в целом даже в условиях остготского владычества, когда церковь стала единственным хранителем прежних юридических императивов.

Наиболее показательны в данном отношении именно императорские законы, вошедшие в «Квесnellуану» из «Кодекса Феодосия». Среди них прежде всего следует отметить эдикт Грациана, Валентиниана и Феодосия «*Cunctos populos*» от 27 февраля 380 г., адресованный населению Константинополя¹⁰. Направленный некогда, по мнению П. Иоанну и Е. Ману-Нортье¹¹, против фессалоникийской арианской общины и призванный подчеркнуть истинность никейского омоусианства ссылкой на столь влиятельных первоиерархов, как папа Дамас и Петр Александрийский, фессалоникийский эдикт демонстрировал в VI в. безусловную тождественность православной веры и римской государственной традиции. Особенно важно было продемонстрировать эту тождественность для равеннского двора Теодориха, который, хотя и был арианином, однако всеми силами стремился быть продолжателем традиций римской государственности. Яркий пример — вмешательство в деятельность Римского синода в октябре 502 г. королевских майордомов Аригерна, Бедеульфа и Гудилы, по приказанию Теодориха фактически спасших папу Симмаха, представлявшего италийский православный епископат, от вооруженных сторонников архипресвитера Лаврентия¹². Бесспорно, Теодорих следовал примеру императора Гонория, предотвратившего подобную смуту в Римской церкви на Раввинском соборе в 419 г.¹³

¹⁰ Mss. BNF. Lat. 3842 A. f. 101 v.; Lat. 3848 A. f. 134.; CTh. XVI, 1, 2.

¹¹ *Magnou-Nortier E.* Le Code Théodosien, livre XVI et sa reception au Moyen Age. SC 2. Paris, 2002. P. 96–97; *Joannou P.P.* La législation impériale et la christianisation de l'Empire Romain (311–476). OChA 192. Rome, 1972. P. 44.

¹² Acta Syn. Rom. 2, 19–20; *Pietri Ch., Pietri L.* La prosopographie chrétienne du Bas-Empire, II Italie (313–604). Vol. I. Paris, 1999. P. 186–187.

¹³ Acta Syn. Rom. 2, 19–20; *Pietri Ch., Pietri L.* La prosopographie chrétienne... P. 680.

Примечательно также то, что в «Квеснеллиану» оказались помещены знаменитые в свое время законы IV в., призванные ограничить влияние еретических учений; например, в рукописях сразу же вслед за фессалоникийским эдиктом следует закон Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 16 июня 388 г., адресованный префекту претория Татиану. Этим законом запрещалось вести публичные дебаты относительно религиозных истин¹⁴. Хотя закон, по мнению Е. Ману-Нортье, первоначально преследовал цель оградить единство империи от вероучительных смут, сотрясавших общество на протяжении почти всего IV в.¹⁵, тот факт, что данный закон оказался в «Квеснеллиане», может косвенно свидетельствовать о стремлении сохранить внешний политический нейтралитет между доминировавшей в Италии в VI в. Православной Церковью и остготским арианством. Вероятно, на основании анализа актов италийских соборов начала VI в. можно говорить о том, что при Теодорихе этот нейтралитет был реальностью (для сравнения стоит вспомнить ту ожесточенную борьбу между православными епископами Северной Италии и арианами, которая вспыхнет в конце столетия при лангобардах). Впрочем, это лишь предположение, так как упомянутый закон логически завершали две конституции из «Кодекса Феодосия», включенные в «Квеснеллиану» и которые представляли собой законы, непосредственно направленные против еретиков. Один из них — закон Валентиниана, Грациана и Феодосия от 10 января 381 г., адресованный префекту претория Евтропию, который в свое время обеспечивал государственной поддержкой проведение антиарианских Аквилейского и Константинопольского соборов, прямо запрещал предоставлять места для совершения служб последователям Фотина Сирмийского, арианам (под которыми, скорее всего, подразумевались омии) и аномеям, а также провозглашал обязательность исповедания никейского вероопределения¹⁶. Данный, очень ригористичный, закон в условиях Италии VI в., конечно же, нуждался в существенных комментариях, тем более, что никаких серьезных общин у фотиниан или аномеев тогда уже не существовало. Однако «Квеснеллиана» не дополняет закон никакими глоссами. Второй закон был более актуальным для эпохи, современной составлению «Квеснеллианы», и представлял собой постановление Феодосия II и Валентиниана, адресованное префекту Рима Фаусту летом 425 г., запрещавшее внутри Рима придерживаться еретических и схизматических учений манихеев и математиков, т. е. был направлен против ма-

¹⁴ Mss. BNF. Lat. 3842 A. f. 102; Lat. 3848 A. f. 134 v.; CTh. XVI, 4, 2.

¹⁵ *Magnou-Nortier E.* Le Code Théodosien... P. 186.

¹⁶ Mss. BNF; BNF. Lat. 3848 A. f. 134 v. CTh. XVI, 5, 6.

гии и астрологии. По мнению Е. Ману-Нортье, данный закон юридически обосновывал традицию, в контексте которой антиеретическим санкциям подлежал тот, кто разорвет общение с Римским епископом¹⁷. В связи с этим становится понятным, почему подобный закон оказался в «Квеснеллиане»: именно он обосновывал в тот момент в пределах Италии церковное главенство Римского епископа.

«Квеснеллиана» является одним из тех канонических сборников ранневизантийского времени, в котором единство Церкви и государства по отношению к еретикам выражается наиболее явственно, подтверждением чему служит наличие в рукописях «Квеснеллианы» эдикта, изгнавшего из Рима еретика Целестина по решению императора Гонория в 418 г.¹⁸ Вероятно, помещение в «Квеснеллиану» данного документа частного характера было обусловлено тем, что в глазах понтификальных нотариюв начала VI в. документ создавал прекрасный прецедент: на него можно было всегда сослаться при первой возможности¹⁹. В состав «Квеснеллианы» оказались включены также конституции Маркиана, адресованные Халкидонскому собору, послание «О Вере» св. Амвросия Медиоланского к Грациану и исповедание веры папы Дамаса (378 г.), что только подтверждает тот факт, что не только дисциплинарная, но прежде всего вероучительная проблематика оказалась востребована в начале VI в. в рамках правовой кодификации, осуществлявшейся в Римской церкви²⁰.

Большую часть собственно канонического материала «Квеснеллианы» составляют папские декреты римских епископов IV–V вв., в то время как соборная история Италии этого же периода нашла свое отражение только в том, что в сборник были включены два послания, первое из которых — послание Медиоланского собора 393 г. к папе Сирицию, а второе — послание Медиоланского собора 451 г., которое интересовало местное предание итальянских диоцезов, ибо они готовили унификацию канонической системы по римскому образцу. Не случаен в связи с этим выбор названных соборных посланий: и тот и другой Медиоланские соборы адресовали Римскому епископу, поэтому в состав «Квеснеллианы» могли включить первые попавшиеся документы, иллюстрировавшие соборную активность предшествовавшего времени. Анализируя списки «Квеснеллианы», следует согласиться с Ж. Годмэ, который, указывая на галльское

¹⁷ Magnou-Nortier E. Le Code Théodosien... P. 287.

¹⁸ Pietri Ch., Pietri L. La prosopographie chrétienne... P. 362–363.

¹⁹ Mss. BNF. Lat. 3842 A. f. 56, BNF. Lat. 3848 A. f. 33 v.

²⁰ Mss. BNF. Lat. 3848 A. f. 59 v.–64, 84, 135 v.–136.

происхождение практически всех списков, утверждал, что коллекция стяжала популярность в большей степени в Галлии, чем в Италии, и сохраняла ее вплоть до второй половины VIII в.; однако данное обстоятельство не может подвергнуть сомнению италийское происхождение сборника, в пользу чего высказывались аббат Л. Дюшен и Ф. Маассен²¹.

«Collectio Quesnelliana» как образец сборника декретов, конечно же, нуждалась в существенном дополнении такими каноническими материалами, которые представляли бы собой не столько завершенные формулировки юридических норм, сколько текущую документацию, иллюстрирующую сложнейшую историю становления италийских диоцезов в IV–V вв. Именно такую цель преследовало на протяжении всей первой половины VI столетия появление второй группы нескольких канонических сборников, объединяемых исследователями в две подгруппы на основании взаимозависимости их редакций²². Первая подгруппа этих канонических сборников бесспорно являет собрание св. Власия — «Collectio Sanblasiana» — в качестве главного памятника, который получил свое наименование от Лавантальского монастыря в каринтийских Альпах, откуда ведут происхождение три основных списка сборника (Mss. BNF. Lat. 1455, 3836, 4279). Среди них наиболее ранним и полным является кодекс BNF. Lat. 3836 (m/f 261), датируемый VIII в., прочтение которого дает исчерпывающее представление о характере документов, зафиксированных в собрании. Собрание св. Власия предлагает вначале латинскую редакцию грекоязычных соборов: как четырех Вселенских, так и поместных, а затем разворачивает калейдоскопическую панораму безусловно апокрифических документов, которые призваны проиллюстрировать историю Римской церкви первой половины IV в., т. е. эпохи, современной большинству из представленных греческих соборов. Большая часть этих документов была составлена в эпоху папы Симмаха, когда Симмах, борющийся против Лаврентия, пытался склонить на свою сторону короля Теодориха. Именно тогда некоторые местные предания Римской кафедры облакаются в форму документов, будто бы оставленных христианскими предшественниками. Среди этих апокрифов первое место занимают акты так называемого Синуесского собора, который будто бы произошел в окрестностях Капуи в конце правления Диоклетиана и имел в качестве объекта рассмотрения ряд дисципли-

²¹ Société d'histoire du droit. 1932; Revue historique de droit français et étranger. 1932. XI. P. 208–209; *Stickler A.M. Historia iuris canonici. T. I: Historia fontium. Augustae Taurinorum. 1950. P. 50.*

²² *Gaudemet J. Les sources du droit de l'Eglise... P. 139.*

нарных вопросов, в частности вопрос об апостатах²³. Затем следуют еще более знаменитые апокрифы, озаглавленные как «*Constitutum Silvestri*», среди которых главным является протокол так называемого Римского собора 325 г., который демонстрирует инсценировку соборных суждений Сильвестра, изложенных при помощи специфического формуляра, в действительности выработанного гораздо позднее, в процессе деятельности Римских соборов конца V – начала VI в. Данные суждения касаются проблемы празднования Пасхи и хиротонии клириков, причем особенно примечательным представляется повеление, вложенное итальяскими канонистами начала VI в. в уста Сильвестра, исходя из которого декларируется, что епископ не имеет права рукополагать какого-либо клирика без одобрения церковного народа²⁴. Это постановление, безусловно, имеет прямое отношение к римской церковной смуте, ибо Симмах в своем противостоянии Лаврентию, поддерживавшемуся проконстантинопольскими сенаторами, надеялся именно на широкие слои римского клира и населения, которые могли даже в случае видимого торжества Лаврентия, ссылаясь на постановление, зафиксированное в собрании св. Власия, заблокировать совершаемые им хиротонии.

Именно «*Constitutum Silvestri*» обусловил дальнейшую популярность собрания св. Власия в североиталийских диоцезах, о чем свидетельствовал еще аббат Л. Дюшен, проводивший прямую стемму, которая указывает на непосредственное влияние рукописей «Санбласианы» на позднейшие редакции итальянских канонических сборников вплоть до VIII в., в частности на некоторые редакции «*Collectio Pseudoisidoriana*»²⁵. Концепцию Дюшена подтверждает распространенность еще одного документа, содержащегося в «Санбласиане» и отрицать аутентичность которого однозначно нельзя. Данный документ представляет собой латинскую редакцию так называемых «*Gesta Liberii Papae*», оригинал которых был написан на греческом языке и содержится в «*Церковной Истории*» Созомена и «*Церковной истории*» Феодорита Киррского²⁶. Данный документ — диалог папы Либерия и императора Констанция, имевший место на завершающем этапе разгрома «омоусианской оппозиции» западных епископов, осуществленного императором на Медиоланском соборе 355 г. Текст диалога, в котором участвуют также сторонники императорской омиийской доктрины — Епик-

²³ Ms. BNF. Lat. 3836. f. 47 v.

²⁴ Ibid. f. 47 v.–51.

²⁵ Duchesne L. *Le Liber Pontificalis*. T. I. Paris, 1886. Préface.

²⁶ Ms. BNF. Lat. 3836. f. 51–53 v.

тет, епископ Центумцелльский, и придворный евнух Евсевий — заканчивается неудачной попыткой подкупа папы императором. Несмотря на то, что Либерий, как известно, через два года все-таки капитулировал перед Констанцием, диалог демонстрирует непреклонность папы. Среди исследователей не существовало единого мнения относительно происхождения данного памятника: если О. Зеек и Х. Лиетцманн отрицали всякую подлинность документа, приписывая его происхождение благочестивому преданию, то П. Баттифоль и Й. Халлер, напротив, утверждали, что хотя текст дискуссии и был записан в понтификальной канцелярии спустя несколько лет после 355 г., однако он, бесспорно, отражает воспоминание о недавно свершившемся событии²⁷.

Ш. Пьетри характеризовал протокол дискуссии как крайне правдивый документ: «В маленькой драме, сообщенной двумя историками, каждый персонаж играл собственную роль»²⁸. Если признать его правоту, тогда значение документа резко возрастает. Появление документа в «Санбласиане» не удивительно в контексте описанного выше собирания и синтеза Римского церковного предания, осуществленного в начале VI в., а тот факт, что латинская редакция данного документа затем войдет в некоторые редакции псевдо-Исидоровых декреталей, примером чему является кодекс XII в. BNF Lat. 3853 (Telleriano-Remensis 263)²⁹, еще раз подтверждает гипотезу Л. Дюшена о прямой зависимости редакций «Псевдоисидорианы» от «Санбласианы».

Несмотря на столь интересный подбор документов, задача широкого привлечения понтификального архива к формированию нового канонического корпуса не была решена в рамках собрания св. Власия. Более того, сборники, родственные «Санбласиане» по принципу комплектования — «Collectio Vaticana» и «Collectio Teatina» — еще в большей степени были далеки от обозначенной цели. Именно в силу данного обстоятельства римскими канонистами примерно в тот же период была проведена новая подготовительная работа по рецепции практически всех имевшихся документов IV–V вв., касавшихся истории канонического становления Римской кафедры и истории борьбы епископов с государственной властью в этот период. Результатом данной работы стало появле-

²⁷ Seek *Geschichte O. Des Untergangs der Antike Welt*. T. IV. Berlin, 1911. S. 446; Lietzmann H. *Geschichte der Alten Kirche*. T. III. Berlin, 1938. S. 213; Battifol P. *La paix constantienne et le catholicisme* (303–359). Paris, 1914. P. 478; Haller J. *Das Papsttum, Idee und Wirklichkeit*. I. Die Grundlagen. Stuttgart, 1950. S. 365.

²⁸ Pietri Ch. *Roma Christiana*... P. 247.

²⁹ Ms. BNF Lat. 3853 (Telleriano-Remensis 263), f. 278 v.

ние второй подгруппы канонических собраний италийского происхождения, которые в отличие от «Квеснеллианы» формировались не по систематическому, а по хронологическому принципу. Данную подгруппу образуют действительно необъятные по сравнению с «Квеснеллианой» и «Санбласианой» сборники канонических документов IV–V вв.: «Collectio Thessalonicensis», вмещавшая документы этого греческого диоцеза, подчиненного Риму, и посланная на Римский собор в 531 г., а также «Collectio Auellana», в которую в середине VI в. вошел весь спектр документации, относившейся к внешнеполитической деятельности Римской Церкви³⁰. Среди самых разных документов, вошедших в эти сборники, можно встретить императорские конституции второй половины IV в., касавшиеся статуса римских епископов, послания пап к местным епископам, чрезвычайно важные и редко встречающиеся акты Римских соборов 484–485 и 495 гг., проходивших во время акакиевской схизмы — первого действительно серьезного конфликта Рима и Константинополя. На этом рецепция римскими канонистами ранневизантийского императорского церковного права, а также соборных актов италийского происхождения фактически закончилась.

Примечательно то обстоятельство, что в отличие от наполненного апокрифами собрания св. Власия, «Авеллана», пестрящая уникальными, нигде более не встречающимися и, тем не менее, вполне аутентичными документами, оставшимися от италийской соборной истории IV–V вв., получила чрезвычайно слабое распространение, фактически она даже не была известна за пределами Италии. Вероятно, в силу данного обстоятельства колоссальному количеству документов указанного периода суждено было занять маргинальное положение в латинской канонистике. Ни один сборник церковного права, ни одна редакция, ни одна рукопись не содержат заголовка, который представлял бы читателю инципит под примерно таким названием: «*Incipiunt concilia Italiae*». Акты италийских соборов позднеримской эпохи либо присутствуют в италийских сборниках фрагментарно, как, например, послания Медиоланских соборов 393 и 451 гг. в «Квеснеллиане», либо теряются среди бесчисленных папских декретов и императорских писем, как в «Авеллане». Очевидно, что наследие италийских со-

³⁰ (Thessalonic.) Mss. Vat. Lat. 5751, (Auell.) Vat. Lat. 3787, Vat. Lat. 4961. *Collectio Thessalonicensis. Epistularum Romanorum Pontificum ad Vicarios per Illyricum aliosque episcopos Collectio Thessalonicensis ad fidem codicis Vat. Lat. 5751 / Recensuit C. Silva-Tarouca S. I. Romae: Apud Aedes Pont. Universitatis Gregorianae, 1937. (Textus et Documenta. Series Theologica, 23); Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad a. DLIII datae Avellanae quae dicitur collectio / Rec. O. Guenther // Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. T. 35. Vol. II. Vindobonae. 1895–1898.*

боров оказалось по большому счету не востребовано италийской канонической традицией. Вместе с тем, императорское ранневизантийское законодательство оказалось весьма неплохо воспринято италийской канонической традицией, если иметь в виду как чрезвычайно популярную не только в Италии, но и в Галлии «Квеснеллиану», так и слабо распространенную даже в самой Италии «Авеллану». Однако это касается только императорского церковного права, не подвергшегося рецепции юристов Юстиниана.

После того, как византийцы отвоевали Италию у остготов при Юстиниане, в результате деятельности светских юристов возникло большое количество редакций и комментариев к «Новеллам» Юстиниана, «Институциям» и «Кодексу», таких как «*Epitoma Juliani*», «*Authenticum*», «*Glossa Taurinata*», «*Summa Regusina*». Однако, как отмечает О.Р. Бородин, все они представляли собой лишь юридические справочники, лишённые всякой самостоятельности³¹. «В самом деле, их зависимость от имперского законодательного свода *Corpus juris civilis* столь всеобъемлюща, что возникает вопрос: можно ли вообще воспринимать их как отдельные юридические памятники?» — замечает исследователь³². Если даже светское содержание этих справочников заставляет задать вопрос относительно их самостоятельного значения, то почти полное игнорирование их канонической италийской традицией заставляет признать, что Италийская церковь так и не восприняла юстиниановскую рецепцию императорского церковного права, сохраняя лишь представления о доюстиниановском состоянии римского права («Кодекс Феодосия»). Быть может, единственным крупным каноническим сборником, который подвергся определенному влиянию юстиниановского права, является достаточно позднее собрание галльского происхождения, датированное началом VIII в. и названное «*Collectio Sancti Amandi*» по имени аббата, в скриптории которого были составлены три известных списка сборника³³. Впрочем, собрание св. Аманды представляет особый интерес для исследователя именно италийского канонического права ранневизантийской эпохи, ибо рукописи данного сборника, в частности наиболее полный кодекс BNF Lat. 3846, помимо латинской редакции новеллы V Юстиниана, содержат ряд документов италийского происхождения, которые не имеют никакого отношения к реалиям, связанным с историей галльских диоцезов. Среди них следует упомянуть рескрипт 418 г. императора Гонория папе Бонифацию о порядке избрания

³¹ Бородин О.Р. Равеннский экзархат, византийцы в Италии. СПб., 2001. С 50–62.

³² Там же. С. 49–50.

³³ Gaudemet J. Les sources du droit de l'Eglise... P. 149.

римских епископов, акты Римского собора 465 г., на котором происходил разбор апелляции испанских епископов к папе Иларию, акты Римского собора 487 г., на котором папа Феликс запретил североафриканскую практику повторных рукоположений и крещений, акты Римских синодов, связанных с лаврентиевской схизмой (в них содержатся подробные списки участников этих синодов, сохранившиеся в виде подписных листов)³⁴. В конце XVII в. Э. Балюз осуществил критическое издание этих подписных листов; актуальность издания признавалась даже в XX в. Т. Моммзенем³⁵. На основании труда Э. Балюза, уточненного Т. Моммзенем, можно также сделать вывод, что италийское каноническое предание через акты указанных синодов оказало колоссальное влияние на галльскую каноническую традицию, так как эти акты в сильно сокращенном виде вошли в особую группу канонических сборников, представляющую собой многочисленные редакции «Collectio Dionysiana». Именно «Дионисиане» будет суждено сыграть решающую роль в формировании раннесредневекового корпуса латинского канонического права. Среди многочисленных редакций «Дионисианы», восходящих к трудам упомянутого в начале настоящей статьи монаха-кодификатора Дионисия Малого, главной в процессе распространения италийских соборных актов стала редакция, известная как «Dionysiana de Bobbio»³⁶, в то время как наиболее ранним подтверждением итало-византийского правового влияния на галльское церковное право является «Санамандиана». Упомянутый кодекс «Санамандианы» неслучайно содержит сравнительный лист греческого и латинского алфавитов, ибо это свидетельствует о наличии у составителей некой коллекции греческих источников³⁷.

На основании анализа «Санамандианы» можно сделать вывод о том, что в VI в. в Италии была осуществлена такая тщательная работа в области рецепции ранневизантийского права, которая позволила не только создать единый систематический канонический свод, универсальный для всех италийских диоцезов,

³⁴ Ms. BNF. Lat. 3846. f. 47 v. rescriptum Honorii, f. 97 v. Regulae Hilarii (Concilium Romanum a. 465), f. 101 v. Regulae Felicis (Concilium Romanum a. 487), f. 110 v. Synodi symmachianae, f. 123 Iustiniani V novella constitutio.

³⁵ Nova Collectio Condiliorum sev supplementum ad collectionem Labbei / Ed. S. Baluzii. Parisii, 1707. P. 1460–1461; Cassiodori Variarum / Rec. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. XII. Berlin, 1894.

³⁶ Gaudemet J. Les sources du droit de l'Église...P. 137; Maassen F. Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abenlande bis zum Ausgange des Mittelalters. Bd. I. Graz, 1870. P. 471–476.

³⁷ Ms. BNF. Lat. 3846. f. 129.

но и определила дальнейшее распространение этого свода в областях, которые никак не были исторически связаны с византийской правовой традицией, в частности в Галлии. Очевидно, что «Квеснеллиана», хотя и составленная по систематическому признаку, а также включавшая значительное количество императорских законов, не могла быть востребована за пределами Италии на протяжении долгого времени, ибо она игнорировала наследие соборной истории италийских диоцезов, в рамках которого были выработаны канонические правила, необычайно важные для западной церковной жизни. Сборники другого типа, такие как собрание св. Власия или «Авеллана», напротив, оказывались перегружены многочисленными частными документами, имевшими когда-то значение исключительно в пределах Италии, и не были актуальны для последующих веков, тем более, что такие документы помещались в сборниках без всякой систематизации в хронологическом порядке. Именно поэтому действительно широкая рецепция ранневизантийского права требовала в VI в. создания систематического свода канонов, который включил бы в свой состав самые важные документы, актуальные не только для реалий италийской церковной жизни, но имеющие ценность для всей Западной Церкви, тем более, что такое распространение итало-византийского права в Европе уже отвечало церковно-политическим замыслам римских епископов в VI в. Благодаря указанным обстоятельствам и оказалась востребована та кодификация, которую предпринял в начале VI в. монах Дионисий Малый, результатом его трудов явилось создание самой главной группы италийских канонических сборников, объединяющих многочисленные редакции «Дионисианы».

Подробный анализ того, каким образом осуществлялась поэтапная рецепция ранневизантийского права IV–V вв. Дионисием Малым требует отдельного исследования, ибо именно редакции канонических сводов Дионисия Малого определили пути дальнейшего восприятия этого права западной канонистикой³⁸. Достаточно только отметить, что, по наблюдению исследователей, эволюция редакций «Дионисианы» шла по пути все большего усложнения собрания: с каждой новой редакцией появлялись все новые и новые канонические документы, дополнявшие восприятие ранневизантийского правового наследия IV–V вв. Если «Dionysiana» I (ок. 500 г.) демонстрирует чрезвычайно ограниченный состав соборных актов греческого происхождения, примером чему являются та-

³⁸ *Gaudemet J.* Les sources du droit de l'Église... P. 134–137; *Peitz W.M.* Dionysius Exiguus Studien. Berlin, 1960. S. 229–251.

кие краткие и поздние кодексы, как BNF. Lat. 3842 (Regius 3887 4)³⁹ или BNF. Lat. 3848 (Colbertinus I S 46, Regius 3887 11)⁴⁰, то «Dionysiana» II содержит более полный перечень соборных постановлений, что касается прежде всего африканских соборов⁴¹. Составленная позднее «Dionysiana» III (около 520 г.), напротив, исключала некоторые памятники греческого происхождения, как, например, Каноны апостолов, 28-й канон Халкидонского Собора, что свидетельствует о живом и сложном процессе рецепции, однако она не учитывает всей полноты италийского соборного наследия IV–V вв., не говоря уже об императорских законах. Вероятно, для компенсации данного упущения в этот период было составлено собрание папских декретов, приписываемое также Дионисию Малому, в которое из числа памятников V в. были включены акты Римских соборов 465 и 487 гг., а также акты трех Римских синодов, связанных с лаврентиевской смутой⁴². Однако составленная только в середине VIII в. «Dionysiana de Bobbio» и появившаяся сразу после нее знаменитая редакция «Dionysio-Hadriana» наряду с «Collectio Pseudoisidoriana» получают самое широкое распространение в Европе и будут положены в основу дальнейших канонических изысканий по кодификации церковного права уже на другом методологическом уровне. Произойдет это потому, что «Dionysio-Hadriana» включает соборные акты, оставленные драматическими событиями ранневизантийской истории италийских церковных диоцезов, в частности акты Римских соборов 465 и 487 гг., «Decretum Gelasianum» с перечнем еретических книг, акты Симмахианских синодов, а также некоторые постановления императоров V в. во всей их полноте⁴³.

Основной вывод, к которому подводит рассмотрение процесса рецепции ранневизантийского права в латинской канонической традиции VI в., заключается в следующем. Кодификация, предпринятая Дионисием, оказала огромное влияние не только на последующий систематический метод западной канони-

³⁹ Ms. BNF. Lat. 3842. Кодекс X в. заканчивается правилами Сардикийского собора — f. 20.

⁴⁰ Ms. BNF. Lat. 3848. Кодекс XIII в. содержит «Dionysiana» I только до послания Карфагенского собора 419 г. папе Целестину (f. 37 v.).

⁴¹ Ms. Lat. F. v. II. 3. Одна из самых древних рукописей собрания Дионисия, датируемая VII в. См.: *Dobias-Rozdestvenskaya O. Les anciens manuscrits latins de la bibliothèque publique de Leningrad. V–VII siècles.* (Analecta Medii Aevi. Fasciculus III). Leningrad, 1929. P. 43–47.

⁴² Ms. Lat. F. v. II. 12. f. 207 v., 214 v., 232 v., 232 v., 236 v., 242 v.; *Staerk A. Les manuscrits du V au XIII siècle conservés à la Bibliothèque Impériale de Saint-Pétersbourg. Description, texts inédits, reproductions autotypiques.* T. I. Saint-Pétersbourg, 1910. P. 56 et sq.

⁴³ Mss. BNF. Lat. n. 8921 (331) (VIII в.); 11, 710 (Sangermanensis 367) (IX в.); 3844 (Colbertinus 1572, Regius 3887) (X в.).

стики, примером чему является появление на рубеже VI–VII вв. первой в своем роде «*Concordia canonum*», более известной как «*Collectio Cresconiana*»⁴⁴; в рамках дионисиевой рецепции западное каноническое сознание приобретало фиксированное представление как о греческом церковном праве, так и каноническом наследии позднеримской и ранневизантийской Италии IV–V вв. В дальнейшем латинская канонистика на протяжении очень долгого времени, вплоть до Грациана и Ирнерия, будет смотреть на ранневизантийское право, условно выражаясь, «глазами» Дионисия, ибо редакции «Дионисианы» в конечном итоге вытеснили на периферию практически все остальные канонические собрания, представлявшие собой альтернативные «передатчики» канонических документов и памятников императорского законодательства ранневизантийского времени. Вероятно, причина этого явления заключается в том, что метод систематизации, использовавшийся Дионисием и его последователями, наиболее соответствовал стремлениям и замыслам римских епископов. Для оптимального централизованного управления италийскими диоцедами, равно как и для оказания влияния на другие церковные провинции, им было необходимо составление систематического свода канонов для насущного и повседневного употребления — канонов, понимаемых в качестве законов, которые имеют тенденцию устаревать и уходить в прошлое, а не бесконечное переписывание содержимого понтификального архива, коим занимались составители столь ценных для современных исследователей собраний, как «Квеснеллиана», «Санбласиана» или «Авеллана». Именно поэтому всевозможные малые канонические сборники и выдержки, составлявшиеся после VI в., так или иначе зависели от той подборки документов, которую предлагали редакции «Дионисианы» (в частности, кодекс BNF. Lat. 3880 (Mazarinaeus 4247))⁴⁵, а периферийные сборники, свободные от влияния «Ди-

⁴⁴ Ms. BNF. Lat. 3851 A (Sancti Martialis Lemovicensis 134). Этот кодекс XI в. являет яркий пример того, как не только папские декреты, но и каноны, представленные анонимно, излагаются в систематическом порядке (f. 12 v.). Относительно происхождения сборника велась дискуссия (см.: *Gaudemet J. Les sources du droit de l'Église...* P. 134). Например, П. Пинедо отстаивал североиталийское происхождение сборника, приписывая его создание самому Дионисию, в то время как Маассен настаивал на африканском происхождении собрания: *Pinedo P. Concordia canonum Cresconii // Ins canonicum. T. IV. 1964. P. 35–64; Maassen F. Geschichte der Quellen und der Literatur...* S. 807–810.

⁴⁵ Ms. BNF. Lat. 3880 (рукопись XII в.): f. 4 v. et 5 Index capitulorum de poen-itentia et de ordinatione clericorum, f. 41 v. Ex exemplare Symmachi papae in Synodo Romano A.D. 502 recitato, «Ut nulli apostolicae sedis... His ergo perpensis mansuro... Ut non liceat presbyteris titularum», f. 43 v. Ex eodem «Quod si minore animae...», f. 49 Ex decreto Hilarii papa sive ex gestis Concilii Romani A.D. 465 «Cavendum ergo in prirn...», f. 49 v. Item ejusdem de eadem, f. 56 Ex decreto Gelasii papae, ut

онисианы», как правило, оказывались долгое время не востребованы понтификальной канцелярией (например, кодекс BNF. Lat. 3848 В («Baluzianus»))⁴⁶.

Конечное доминирование «Дионисианы», отдаленно напоминающее доминирование титулов Номоканона XIV в Византии, привело к тому, что в латинской канонистике право воспринималось как постоянно обновляющийся юридический стержень церковного строя, а не как незыблемый для изменений исторический фундамент церковного предания, что привело, по словам современного исследователя иезуита отца Галлагера, к формированию двух различных экклезиологических систем в латинской и византийской канонистике⁴⁷.

Однако данная констатация не может не озадачить исследователя новым вопросом: существовала ли в недрах италийской канонистики ранневизантийской эпохи альтернатива дионисиевскому методу систематизации права, предполагавшему отсев устаревавших памятников?

Утвердительный ответ на этот вопрос в состоянии дать только будущее текстологическое изучение так называемых периферийных рукописей, связанных с каноническими собраниями, подобными собранию св. Аманда или собранию «Дахерианы», которым не суждено было серьезно повлиять на формирование корпуса канонического права Римской церкви.

Библиография

1. *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат, византийцы в Италии. СПб., 2001.
2. *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959.

clerici nullas negociationes inhonestas..., f. 64 Canon XLVIII ex codice canonum ecclesiae africanae sive Sydodi Capuanae A.D. 393 decretorum interpretation, f. 70 Incipit excerpta decretalium, f. 71 Decretum factum ad virum inlustrem Agricolam praefectum Galliarum augustorum Honorii et Theodosii «Saluberrima magnificentiae tuae suggestione».

⁴⁶ Ms. BNF. Lat. 3848 В (Кодекс IX в., содержащий, как указывается в Каталоге королевской библиотеки, «Collectio Vetus canonum»). f. 46 v.: Exemplum testimoniorum Sancti Hilarii de tide «Humani enim generi incipit cetera...»; f. 48: Sancti Ambrosii episcopi Medioianensis ad imperatorem Gratianum in libro secundo De fide; f. 68: Symbolum Sancti Athanasii «Quicumque»; f. 70: libellus canonum graecorum; f. 70 v.: Libellus canonum latinorum, inter quos sub titulo XX canones Silvestri papae, et sub titulo XXXVIII canones taurinantium episcoporum; f. 75 v.: Symbola diversa fidei.

⁴⁷ *Gallagher C.* Gratian and Theodore Balsamon: Two Twelfth-Century Canonistic Methods Compared // Athens. Byzantium in the 12 th Century. Canon Law, State and Society / Ed. N. Oikonomides. Athenai, 1991. P. 85–86.

3. Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz, cont. E. Straub. T. I: Concilium universale
4. Ephesenum. Vol. 2. Berlin; Leipzig, 1925–1926.
5. *Battifol P.* La paix constantienne et le catholicisme (303–359). Paris, 1914.
6. *Ciurletti G.* Antiche Chiese del Trentino, dalla prima affermazione del cristianesimo al X secolo (Breve excursus alla luce di trent'anni di scavi archeologici) // *Friihe Kirchen im ostlichen Alpengebiet von der Spatantike bis in ottonische Zeit.* Bd. 1. Herausgegeben von H.R. Sennhauser. Munchen, 2003.
7. *Collectio Thessalonicensis. Epistularum Romanorum Pontificum ad Vicarios per Illyricum aliosque episcopos Collectio Thessalonicensis ad fidem codicis Vat. Lat. 5751 / Recensuit C. Silva-Tarouca S. I. Romae: Apud Aedes Pont. Universitatis Gregoriana, 1937.* (Textus et Documenta. Series Theologica, 23).
8. *Dobias-Rozdestvenskaya O.* Les anciens manuscrits latins de la bibliothèque publique de Leningrad. V–VII siècles. (Analecta Medii Aevi. Fasciculus III). Leningrad, 1929.
9. *Duchesne L.* Fastes épiscopaux de l'Ancienne Gaule. T. I. Paris, 1894.
10. *Duchesne L.* Le Liber Pontificalis. T. I. Paris, 1886. Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad a. DLIII datae Avellana quae dicitur collectio / Rec. O. Guenther // *Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum.* T. 35. Vol. II. Vindobonae. 1895–1898.
11. *Gallagher C.* Gratian and Theodore Balsamon: Two Twelfth-Century Canonistic Methods Compared // *Athens. Byzantium in the 12 th Century. Canon Law, State and Society* / Ed. N. Oikonomides. Athenai, 1991.
12. *Gaudemet J.* Les sources du droit de l'Église en Occident du II au VII siècle. Paris, 1985.
13. *Geschichte O.* Des Untergangs der Antike Welt. T. IV. Berlin, 1911.
14. *Haller J.* Das Papsttum, Idee und Wirklichkeit. I. Die Grundlagen. Stuttgart, 1950.
15. *Joannou P.P.* La législation impériale et la christianisation de l'Empire Romain (311–476). OChA 192. Rome, 1972.
16. *Lietzmann H.* Geschichte der Alten Kirche. T. III. Berlin, 1938.

17. *Maassen F.* Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abenlande bis zum Ausgange des Mittelalters. Bd. I. Graz, 1870.
18. *Magnou-Nortier E.* Le Code Théodosien, livre XVI et sa reception au Moyen Age. SC 2. Paris, 2002.
19. Nova Collectio Concliorum sev supplementum ad collectionem Labbei / Ed. S. Baluzii. Parisii, 1707.
20. Cassiodori Variarum / Rec. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. XII. Berlin, 1894.
21. *Peitz W.M.* Dionysius Exiguus Studien. Berlin, 1960.
22. *Pietri Ch.* Roma Christiana: Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte (311–440). Paris, 1976.
23. *Pietri Ch., Pietri L.* La prosopographie chrétienne du Bas-Empire, II Italie (313–604). Vol. I. Paris, 1999.
24. *Pinedo P.* Concordia canonum Cresconii // Ins canonicum. T. IV. 1964.
25. *Staerk A.* Les manuscrits du V au XIII siècle conservés à la Bibliothèque Impériale de Saint-Pétersbourg. Description, texts inédits, reproductions autotypiques. T. I. Saint-Pétersbourg, 1910.
26. *Stickler A.M.* Historia iuris canonici. T. I: Historia fontium. Augustae Taurinorum. 1950. Revue historique de droit français et étranger. 1932. XI.
27. *Stickler A.M.* Historia iuris canonici. T. I: Historia fontium. Augustae Taurinorum. 1950.